

Девятое сентября, ранняя осень. Цикады не умолкая стрекотали на платанах, надрываясь в своих криках, отчего на душе становилось лишь тоскливее и тревожнее.

На широкой баскетбольной площадке университета А парни в спортивной форме непрерывно вели мяч, меняя позиции. Струйки пота стекали с их лиц, скатываясь по шеям и впитываясь в одежду.

Самым ярким среди них был парень в майке под девятым номером. Высокий, подтянутый, он даже под палящим солнцем казался ослепительно белым. На его холодном, утонченном лице не дрогнул ни один мускул, тонкие губы были плотно сжаты, а узкие, длинные глаза-фениксы слегка прищурились от ярких лучей.

Парень ловко лавировал между соперниками, резко подпрыгнул, и мяч, описав в воздухе красивую дугу, безошибочно влетел в корзину.

Этот бросок вызвал на площадке взрыв восторженных криков. Гул толпы достиг своего апогея, свист и ликование слились в сплошной шум.

— А-а-а-а! Цзян Чжань!

— Цзян Чжань!

— Как же хорош! Боже, ну до чего хорош!

На ступенях трибун, ряд за рядом, теснились фанатки. В руках у каждой были бутылки с водой и полотенца, и все они жадно следили за девятым номером. В их глазах читалось бесконечное желание, каждая надеялась, что он соизволит хотя бы мельком взглянуть в её сторону.

Неподалеку от баскетбольного кольца кто-то поднял камеру и затвор защёлкал непрерывно.

Тонкие, пугающе бледные пальцы делали снимки с идеальной точностью, будто этот жест был отточен до автоматизма десятки тысяч раз. Даже когда одежда насквозь промокла от пота, а кожа покраснела от жары, этот человек продолжал упорно держать камеру.

Глаза за стеклами очков с черной оправой были прикованы к объективу с нездоровой одержимостью. На экране парень, за которым велась слежка, снова вел мяч, выискивая брешь в обороне противника.

Липкие капли пота скатывались по его скулам, задерживаясь на густых темных ресницах, прокладывали дорожки по изящной белой шее и стекали к видневшейся полоске тренированного живота, а ниже — к скрытым под формой линиям тела.

Преследователь сфокусировался на фигуре парня, повернул кольцо зума, приближая картинку, и начал серию снимков.

С ростом шума на поле девятый номер принял пас и, совершив мощный прыжок, вогнал мяч в корзину сверху.

— Бах!

Снова гол.

— А-а-а-а!

— Цзян Чжань! Цзян Чжань!

Поднялась новая волна ликования. В пылу игры, когда парень поднял руку, его белая майка слегка задралась, обнажая красную родинку на пояснице. Она напоминала нежную сердцевину распутившейся розы, показавшуюся из-под таявшего снега — смертельно опасная, но невероятно прекрасная деталь, придававшая его мужественному, пропитанному гормонами телу еще более соблазнительный вид.

Тот, кто вел съемку, замер. Похоже, он не ожидал такого поворота. Его сердце бешено заколотилось, пламя в глазах вспыхнуло с новой силой. Он сглотнул пересохшим горлом.

Хотя этот момент длился всего две секунды, он успел запечатлеть его. Даже руки, поддерживавшие камеру, задрожали. Он быстро отвел аппарат от лица и торопливо, почти судорожно, начал листать кадры назад, не обращая внимания на пот, стекавший в глаза.

За двести с лишним дней он впервые увидел этот участок тела. Его мозг не мог успокоиться, руки ходили ходуном.словно глубоко больной, одержимый сталкер, он издали подглядывал за каждым движением своей цели.

Только убедившись, что та самая родинка, от которой у него подкосились ноги, вышла на снимке идеально четко, он наконец выдохнул.

Как же это красиво.

Он обвел взглядом площадку, проверяя реакцию остальных. Сердце колотилось в горле: неужели только он один это заметил?

Он не в силах был разжать пальцы, сжимая камеру, прижал лицо к экрану и вдохнул холодный запах металла. Его глаза полуприкрылись. Поры на коже словно раскрылись — казалось, будто через эту сублимацию он коснулся человека, о котором грезил день и ночь. И пусть это всего

лишь снимок на пустом дисплее, он был доведен до экстаза.

Только когда объект его страстных грез покинул площадку, он, нехотя прижимая камеру к груди, последовал за ним. Юноша шёл к школьным воротам навстречу знойному полуденному солнцу. После полуторачасового матча его лицо покраснело до невозможности, отчего светлая кожа казалась ещё ярче.

Был конец сентября, жара стояла невыносимая. Там, где деревья не давали тени, воздух дрожал от зноя, искажая очертания асфальта и вызывая во рту неприятную сухость.

Путь до велосипедной парковки был неблизким. Одежда юноши насквозь пропиталась потом, а чёлка, и без того доходившая до бровей, спуталась и прилипла к лицу вместе с капельками пота.

Многие ученики, пришедшие забрать свои велосипеды, морщились при виде его покрасневшего лица и пропитанной потом одежды, стараясь поскорее протиснуться мимо.

В тесном проходе было не разминуться. Шэнь Юй, задетый кем-то, пошатнулся и, навалившись на бок, едва не опрокинул стройный ряд велосипедов.

— Чего загораживаешь? — раздражённо бросила девушка, однако, заметив, что юноша вот-вот упадёт, тут же сменила гнев на милость и протянула руку: — Эй, одноклассник, ты в порядке? Не ушибся? Давай помогу, хочешь?

Стоявшие рядом девушки прыснули со смеху, в котором отчётливо слышалась насмешка.

— Н-нет, всё в порядке, — Шэнь Юй поспешно прижал к себе фотоаппарат и ухватился за перила, чтобы не упасть.

Услышав это, лицо девушки мгновенно изменилось:

— В порядке? Тогда чего стоишь? Проваливай!

Остальные тоже переменились в лице. Зажимая носы, они презрительно бросили:

— Вид у него такой, что смотреть противно.

— И не говори.

— Уйди с дороги, не мешай.

— П-простите...

Шэнь Юй глубоко вздохнул, с трудом выпрямился и отошёл в сторону, низко опустив голову и стараясь спрятать лицо в воротник куртки.

Видя его робость, девушки потеряли к нему всякий интерес и, переговариваясь, покатали свои велосипеды к выходу. Шэнь Юй так и стоял, не двигаясь, пока их голоса окончательно не стихли вдали, и лишь тогда выкатил свой велосипед.

Он достал из кармана бумажную салфетку и принялся с силой вытирать лоб и чёлку. Салфетка быстро намокла от пота, а нежная кожа под натиском пальцев покраснела ещё сильнее. Сделав это несколько раз, он скомкал влажную бумагу и бросил её в урну.

Подобные мелкие пакости в их классе были обычным делом. Многие считали его странным: он носил толстые очки, его волосы были длинными и густыми, он всегда ходил, глядя под ноги, и не любил разговаривать.

Большинство смотрело на него свысока — с брезгливостью или откровенным безразличием. Они не применяли физическую силу, но тихо шептались за спиной и молча отстранялись, возводя между ним и остальными невидимую стену.

Исключением был только Цзян Чжань.

Он поднимал упавший ластик Шэнь Юя и бережно клал его на край парты, терпеливо ждал, пока тот закончит домашнее задание, и никогда не торопил. Цзян Чжань был единственным, кто никогда не смотрел на него как на чудовище.

Именно благодаря этим мелким знакам внимания Шэнь Юй проникся к нему симпатией.

Цзян Чжань был опрятным, красивым и талантливым. Шэнь Юй же — словно из другого мира. Он вёл себя скрытно, постоянно прятался, боясь, что его чувства раскроют, и долгие годы не решался даже заговорить с ним.

Зато он тайком наблюдал за ним из толпы, провожал до самого дома, подбирал пустые бутылки из-под воды, которые тот выбрасывал после игры, использованные стержни от ручек и даже салфетки, которыми тот вытирал пот.

Особенно его пленял тонкий древесный аромат, исходивший от Цзян Чжана, когда тот стоял рядом — холодный, как зимний воздух, смешанный с запахом сандала, чистый и глубокий.

Шэнь Юй взялся за руль и машинально огляделся. Не увидев велосипеда Цзян Чжана, он с разочарованием вздохнул. Он понимал, что сегодня не сможет проследить за ним до дома, хотя это и было его собственным тайным желанием, ради которого он каждый раз выбирал окольные пути.

Но стоило ему вспомнить о той фотографии, которую видел только он, как настроение вновь улучшилось.

Шэнь Юй бережно повесил фотоаппарат на шею, нажал на педали и поехал домой.

<http://bllate.org/book/21862/2268893>